

Алексей ШОРОХОВ

ИЗВЕЧНЫЙ ПОИСК ПРАВДЫ

К 100-летию со дня рождения М.А. ШОЛОХОВА

Гёте говорил: "Цель искусства — похитить у жизни непохитимое". Понятно, что под "непохитимым" подразумевается что-то самое важное, что-то определяющее, то есть существо самой жизни.

Но точно так же как нигде в природе не встречается "жизнь вообще" (равно как и "искусство вообще"), то позволю себе предположить, что речь может вестись только о "национальной жизни" и соответственно "национальном искусстве" как сложившихся исторических формах жизни и искусства. Чему блестящим примером служат по-немецки честные "Страдания юного Вертера" и иронично германская чертовщина "Фауста" у самого Гёте.

Однако вопрос о том, что составляет существо немецкой народной жизни, предоставим немецким филологам и философам. Нас, по вполне понятной причине, интересует жизнь русская. Этот интерес тем насущнее, что уже не раз за последние сто лет русская жизнь обвалом меняла свои устоявшиеся, традиционные формы. Что же в ней остается такого неистребимого, благодаря чему мы всё еще русские?

Ответом на этот вопрос, по всей видимости, должна стать вся русская литература, и в особенности созданная в небывало страшном, изломистом XX веке! Но, несмотря на удивительное обилие великих творений русского слова в веке минувшем, одно из них стоит особняком. Это "Тихий Дон" Шолохова.

Почему же роман, посвященный судьбам далеко не самой многочисленной части русского народа — судьбам донского казачества, получил у нас признание в качестве общенационального эпоса? Единственно в XX веке. И это — при отчетливейшем "казачьем сепаратизме" и сословном пренебрежении к 7/8 населения России — крестьянству, которыми так и дышат страницы "Тихого Дона"! Ведь были же написаны в то время и с эпическим же размахом сугубо "мужицкие" романы Л. М. Леонова и С. А. Клычкова, а позже — "Мужики и бабы" Б. Можая и "Пряслины" Ф. Абрамова, трилогия о коллективизации "Час шестый" В. И. Белова. Значит, что-то очень важное сказало у Шолохова, самое важное. Непохитимое.

Шолохова, самое важное. Непохитимое.

Я думаю, что это "что-то" и есть существо русской народной жизни, и имя ему — правда. Та самая правда, которая, по убеждению наших предков, выше солнца. И для XX века это правда о самом страшном, до сих пор еще не изжитом нами периоде русской жизни — правда о революции и гражданской войне. Не "одна из правд" (от "Разгрома" Фадеева и "Железного потока" Серафимовича до романов атамана Краснова и "Солнца мертвых" Шмелева включительно), а целостная, равновеликая самой жизни правда о времени и о человеке. О русском человеке. Собственно, только по "Тихому Дону" мы и судим о том времени. И это — при великом множестве произведений о гражданской войне, написанных подчас гораздо мастеровитей (например, "Белая гвардия" Булгакова).

Прошло немногим менее ста

лет с описываемых Шолоховым событий, однако и сегодня нельзя перечитывать "Тихий Дон" и не мучиться вопросом: а с кем бы был ты? И не находить ответа. Этот неразрешимый трагизм Революции в том смысле, в каком понимал его Кожин, и отличает роман Шолохова от всех поздних "правд" о гражданской войне и коллективизации, написанных в сравнительно уже безопасные 70 — 80-е, а то и вовсе по ту сторону "железного занавеса". Хотя бы потому, что во времена написания "Тихого Дона" и за гораздо более безобидные вещи писателей лишали жизни. И в этом — личная правда писательской и человеческой судьбы М. А. Шолохова как неотъемлемая составляющая правды написанного им романа.

И именно извечное русское правдоискательство делает горбоносого туркотового казака Гришку Мелехова русским национальным героем. Правда и жалостливое русское сердце, христианское в своей тысячелетней наследственности. Именно уступая сердцу, спасает Гришка своего заклятого врага Степана Астахова на поле брани, именно мучаясь и боля сердцем, не приемлет он "красной правды" расстрела офицеров под Глубокой и "белой правды" самосудной расправы над красными односельчанами. Именно незаглушаемое русское сердце не дает ему упиться местью за брата в бою с матросами. И понимает, понимает Мелехов, что нет на гражданской войне "одной такой правды, под крылом которой мог бы посогреться каждый", так же как понимаем и мы, что нет и не может быть такой "правды", ради которой брат убивает брата, а сын — отца.

Однако через какой ад придется пройти главному герою романа, и нам вслед за ним, чтобы понять это! Воистину богатырскими чертами наделяет Шолохов своего героя. И здесь неизбежна параллель с добродушным богатырем Н.С. Лескова. "Ну, братец, и барабан же ты, бьют-бьют тебя, а ты все живой!" — говорит кто-то Ивану Флягину в "Очарованном страннике". Однако герой Лескова, как мы помним, избывает свой личный грех (убийство монаха), на гражданской же войне — виноватых нет! Вот и мытарствует казак-богатырь Григорий Пантелеевич Мелехов, прикладывая свою богатырскую силушку то к одной, то к другой "правде" и нигде не находя той единственной и окончательной правды, дающей жизни единственный и неотъемлемый смысл. Так же как мытарится и русская душа в XX веке. До сих пор.

100-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ МИХАИЛА ШОЛОХОВА

В станице Вёшенской в Ростовской области проходит торжество, посвященные 100-летию со дня рождения Михаила Шолохова. Юбилей знаменитого писателя отмечается со столичным размахом. Сотни миллионов рублей затрачены на организацию торжеств, ремонт дорог и реставрацию памятников. К могиле писателя возлагают цветы официальные делегации из многих стран.

Главные торжества проходят на берегу реки Дон — рядом с памятником героям романа "Тихого Дона". Здесь подготовлена огромная сцена, на которой выступают фольклорные ансамбли и коллективы.

Указ о праздновании 100-летия Михаила Шолохова подписал Президент России В.В. Путин, подчеркнув выдающийся вклад русского писателя в мировую культуру. По решению ЮНЕСКО 100-летний юбилей лауреата Нобелевской, Государственной и Ленинской премий в этом году отмечается во всем мире.

25 мая на родине писателя побывал глава Российского государства. В.В. Путин посетил Дом-музей Шолохова, возложил цветы на могилы писателя и его жены Марии, осмотрел усадьбу, встретился с членами семьи Шолохова.

Жизнь Шолохова накрепко связана с Вёшенской, но родился он на соседнем хуторе — Кружилинском. Старый дом отстроили заново (в войну он был почти полностью разрушен). Туристам показывают рабочий кабинет писателя. Здесь Шолохов работал над произведениями "Судьба человека", "Они сражались за Родину" и "Поднятая целина".

На письменном столе в кабинете Михаила Шолохова недокуренная сигарета и календарь, никем не тронутый после 21 февраля 1984 года, когда великого писателя XX века не стало...

К. МАКСИМОВ.

Антон Абрамов

ПОЕЗДА

Летнее время, яркое и пестрое, пронеслось мимо долины, задевая деревеньку своим крылом. Уносилось оно куда-то, подгоняемое невесомыми обрывками Горизонта на бесконечно свободном небе. Цеплялись за него недели, одинаковые и такие разные, собиралось в стога и исчезало горячее сено, по спокойной груди реки плыли одинокие листья, а раскаленные молнии разноцветных машин рвали тишину трассы, унося с собой лето...

Убегали недели, приходили ранние субботние восходы, начинавшиеся со стука камней по деревянному полу. Камешки грузно падали рядом с его кроватью, подпрыгивали, заставляя Петьку вздрогнуть, падали опять, подпрыгива-

ли, опускаясь все чаще, наконец, катились по шершавому полу, и Петька слышал каждую трещинку, каждый комок солнечного тепла, отдыхавший в то утро на его полу. Петька просыпался, а с улицы слышался нетерпеливый свист. Нужно было торопиться...

Скинув одеяло и солнечные объятия, он спрыгивал с кровати, бросал на лицо горсть ледяной воды.

Затем просачивался в узкую щель приоткрытых ворот и оказывался на горячий желтоватой дорожке, усыпанной мелкими осколками солнца...

— Где тебя носило! — восклицал Мишка с напускной строгостью в голосе. — Машинист ждать не будет!

— Не будет, — огрызнулся Петька, — а нужно было раньше меня будить. Мы —

горожане, летом любим поспать...

Мишка прыскал, хлопал друга по спине и бежал вперед, указывая путь. Тропинка нетерпеливо прыгала с горы, шептала о великих летних тайнах, о времени, заставляющем сердце сжаться в теплый комок, указывала на солнечный зайчик далекого луга. Там среди клейкого, мутного воздуха паслись коровы. Отсюда не было слышно ни единого звука, а нетерпеливая дорога огибала луг,

щедро зачерпнув лесок, выбегала с другой стороны, где зеленый холст долины пересекал ароматный штрих асфальтированной дороги. Распался от споров с небом, дорога становилась раскаленным шрамом на щеке долины. Жар просачивался сквозь кеды, а разноцветные клубки машин разматывались причудливыми следами.

Донеслось натруженное шипение поезда. Порвав синеватое полотно Горизонта, зеленая раскален-

ная игла вонзилась в долину, обогнула деревеньку и теперь неслась к оврагу.

Друзья метнулись к жаркому блеску железнодорожного полотна. Выскользнув из-за кочки, они поравнялись с поездом как раз в тот момент, когда его жаркий аромат тугими волнами пронесся по полотну. Поезд являл собой саму Загадку — мутный блеск мелькавших окон, длинные тени выпуклых ребер, крепкий дух мазута и жары, а из мелькавших иллюмина-

ров глядело на них уносящееся лето: далекие берега, солнечные порты... Поезд весело колотил по рельсам, шипел, свистел от нетерпения. "Вперед!" — пели шпалы. "Вперед, к горизонту!" слышалось в редких его свистках, несущихся туда, где город безобразной кляксой дремал на хрупком шарфе далекого леса...

Последние вагоны махнули друзьям на прощанье и превратились в загадочную точку. Посланник Горизонта, поезд появился на миг, чтобы заставить их сердца встрепенуться, и унесся обратно, туда, где дремало Счастье...

— Ну что, обратно? — спрашивал Мишка, и голос его после свежего гимна был пыльным и будничным.

— Пора, — кивал Петька. Друзья спустились в овражек, и каждый молчал о своем. Или, быть может, об одном? О Поезде, о Мечте, проснувшейся на горизонте их общей души?

г. Орёл.